

Берви, Василий Васильевич

~~И. А.~~
~~1~~
~~7~~

АЗБУКА

СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

385
—
А 35 V

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Нусвальта, Литейная, № 13-й, д. Денеера.

1871.

271

CB
35
R9
B55

Handl.
v. 2. 9-
L. 10. 14. 71
894966293

АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ КОПИРПРИКЛ

ПРИКЛ ПИРИК

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Введение.	1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЗНАЧЕНИЕ СИЛЬНЫХЪ И СЛАБЫХЪ ВЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Глава первая. Опасность обогащенія силы и богатства. Хищники и мирныя племена	13
Глава вторая. Кто былъ источникомъ благосостоянія и цивилизаціи—сильные или слабые?	23

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДИКАРИ.

Глава третья. Истиникъ, указывающій на назначеніе человека. Дикарь на первой ступени развитія	35
Глава четвертая. Дикарь на второй ступени развитія.—Другой истиникъ, указывающій на назначеніе человека.	47
Глава пятая. Почему дикари владѣютъ до сихъ поръ третьею частью земнаго шара.	60

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВА ЗАСТОЯ.

Глава шестая. Государства застоя. — Сходство между ихъ населеніемъ и дикарями. — Рядъ цивилизацій. — Результаты ряда цивилизацій. — Какъ отразились цивилизующія вліянія на сѣверо-восточной Африкѣ: Абиссинія, Египетъ и Нубія.	69
Глава седьмая. Государства застоя. — Три четверти земнаго шара занято дикарями и племенами застоя. — Причины заключаются не въ недостаткѣ способ-	

ностей, а въ нравственномъ развитіи людей. — Истинныя міровой жизни тутъ дѣйствуютъ также сильно, но направленіе ихъ совершенно ложное. — Человѣкъ возвышается въ общественномъ мнѣніи хищничествомъ 89

Глава восьмая. Государства застоя. — Человѣкъ возвышается здѣсь въ общественномъ мнѣніи роскошью. — Послѣдствія такихъ воззрѣній. — Чѣмъ способнѣе правитель, тѣмъ онъ вреднѣе. — Исторія развитія этихъ государствъ. — Простота первоначальныхъ завоевателей. — Времена процвѣтанія. 104

Глава девятая. Государства застоя. — Времена упадка. — Крайнее злоупотребленіе изъ истинныхъ міровой жизни. — Организція обществъ застоя. — Власть избирательная, наследственная и порожденная борьбою. — Неограниченная власть надъ людьми. — Неограниченная власть надъ имуществомъ. 123

Глава десятая. Государства застоя. — Вредъ большихъ вознагражденій за трудъ въ высшихъ сферахъ общества. — Ограниченная способность вещей удовлетворять человѣческими потребностямъ. — Борьба за существованіе. — Жадныя послѣдствія ограниченія силы силой въ сферахъ власти, — въ сферахъ имущества . . . 139

Глава одиннадцатая. Государства застоя. — Благополучіе можетъ явиться только тогда, когда сильный хотя отчасти употребляетъ свою силу на пользу общества. — Не слѣдуетъ ли ему всѣ свои силы употреблять на пользу общества? — Сильные, которые вели строгую жизнь съ религіозною или военною цѣлью, увеличивали свои силы и свое счастье, но ложная цѣль неизбѣжно заставляла ихъ вновь впадать въ слабость. — Ихъ вліяніе на массы и вліяніе гуманнаго вистаго сословія. — Цивилизація застоя не описалась губительнаго вліянія вещей и быстро падали. — Греки развились болѣе арабовъ потому, что были бѣднѣе. — Значеніе политическихъ и социальныхъ формъ. 153

Глава двѣнадцатая. Государства застоя. — Истинныя міровой жизни и политическія формы. — Истинныя міровой жизни и централизующія чувства — лести. 180

Глава тринадцатая. Государства застоя. — Результаты политики лести въ качествѣ объединяющаго принципа. — Просвѣщеніе какъ орудіе централизаціи. — Какимъ образомъ ложное воззрѣніе на величіе и губительное вліяніе вещей губило самостоятельную мысль. — Что вышло, если при этомъ люди брались за дѣло, къ которому они не способны. 192

Глава четырнадцатая. Государства застоя. — Счастливы ли неспособный человѣкъ, имѣющій власть и богатство? — Значеніе власти и богатства въ сравненіи съ нравственнымъ развитіемъ въ качествѣ источниковъ счастья. Когда любовь даетъ наибольшее счастье? — Былъ ли бы восточный вельможа счастливы, если бы онъ отказался отъ роскоши? — Отчего въ немъ не можетъ развиться нравственное чувство и что отъ этого происходитъ? — Состояніе Персіи. — Нормальное употребленіе времени и средствъ. — Фатальная ошибка человечества. — Условія для порожденія самыхъ счастливыхъ людей. 206

Глава пятнадцатая. Государства застоя. — Заключеніе. — Какъ достигается правильное удовлетвореніе потребностей. — Почему наибольшее счастье для каждаго отдѣльнаго человѣка и для всѣхъ вмѣстѣ можетъ быть достигнуто только тогда, когда вознагражденіе за трудъ будетъ одинаково въ разныхъ и увеличиваться только въ каждой отдѣльной отрасли по мѣрѣ увеличенія труда. — Почему при другихъ условіяхъ и при возвеличеніи за власть и богатство не-

возможно правильное раздѣленіе труда. — Специальность военная, итѣдигондиг, сѣціально-политическая община краснокожихъ. 217

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГОСУДАРСТВА, ЗАДЕРЖИВАЕМЫЯ ФОРМАЛЬНОЮ РЕЛИГІЕЮ.

Глава шестнадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Пространство, занимаемое ими, сравненіе съ государствами застоа. — Истѣности, заимты дикарии, государствами застоа и государствами, задерживаемыми формальною религіею, составляютъ шесть седьмыхъ суши на землѣ. — Можетъ ли человекъ получить рациональное понятіе о своемъ назначеніи и объ условіяхъ своего счастья? — Номадъ смотритъ такъ же ошибочно на земледѣльца, какъ современный образованный человекъ на человека съ нормальнымъ развитіемъ. — Изъ чего мы видимъ, что нормальный человекъ будетъ счастливѣе? — Какими образомъ неправильное пониманіе счастья привело къ формальной религіи? — Проповѣдовавшіе эти религіи не только заблуждались, но умышленно обманывали — Иосифъ Смитъ, Магометь, Зароастръ. 235

Глава семнадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религіею. Духовенство формальныхъ религій причаеетъ къ чудовищной недобросовѣстности. — Его вымыслы въ Полинезій, въ Мехикѣ, у буддистовъ, испанскіе историки. — Вражда формальныхъ религій противъ умственного развитія. — Значеніе духовенства. — Перу, Вавилонъ, Испанія, Мехика. — Добродѣтель заключается не въ томъ, чтобы плодить жизнь, а чтобы пренебрегать ею. — Св. Тереза. — Людоѣдство, человѣческія жертвы; Карагенъ, Мехика. — Завоеваніе Америки испанцами. — Сравненіе между испанцами и монголами, испанцы показываютъ болѣе черствости и превращенія къ людямъ. — Сравненіе съ турками. — Вліяніе духовенства на Кортеса и Пизарро. — Въ какое время государства, задерживаемыя формальною религіею, легко дѣлаются добычею завоевателей. — Византійская имперія, Испанія передъ завоеваніемъ арабовъ, Перу. — Способности испанцевъ убиты формальною религіею. — Парагвай, любимое дѣтище и гордость духовенства. — Какъ набирались жители колоній 246

Глава восемнадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Обзоръ исторіи Парагвая до 1868 года. — Сравненіе съ восточными деспотическими государствами застоа. — Какими образомъ ненормальное удовлетвореніе инстинктовъ міровой жизни въ государствахъ, задерживаемыхъ формальною религіею, приводитъ къ такому же обожанію за силу, богатство и геройство, какъ въ государствахъ застоа. — Понятіе о Богѣ, которое даютъ формальныя религіи. — Испанія во время Фердинанда и Изабеллы. — Филиппъ прекрасный. инквизиція и человѣческія жертвы, сравненіе съ Танти и съ Адтеками 258

Глава девятнадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Связь между аскетизмомъ и стремленіемъ къ великолѣзнію, Хименесъ, Карлъ V-й. — Движеніе къ свободѣ въ Испаніи, народъ — орудіе духовенства. — Филиппъ II-й. — Какими образомъ изъ формальной религіи вытекаетъ господство военного элемента и страсть къ завоеваніямъ. — Заносчивая политика — Многочисленность духовенства, презрѣніе народа къ земнымъ благамъ, нищенство и великолѣзніе, духовенство порицаеетъ трудъ и экономію, изгнаніе нравовъ, по-

нiе дворянъ о величiи, реформаторы, влiенiе женщинъ, духовенство во главѣ правительства и во главѣ оппозицiи, народъ доволенъ, прогрессъ втеченiе тысячи лѣтъ, французская революцiя, внезапное разложениe Испанiи.— Испанская Америка и влiенiе Соединенныхъ Штатовъ. 274

Глава двадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религiею. — Судьбы Испанiи въ XIX столѣтiи.—Проповѣдь либерализма и возникновенiе партiй къ либеральнымъ идеямъ.—Разница между европейскими и испанскими реакционерами.—Сходство между испанскою анархiей и анархiей въ государствахъ застоя.—Очарованiе и разочарованiе Европы.—Влiенiе формальной религiи въ Португалiи.—Способности португальцевъ и ихъ открытiя, всѣ ихъ успѣхи уничтожаются влiенiемъ формальной религiи, сходство съ Испанiею. — Испанское господство—утрата колонiй, обезлюднѣе.—Влiенiе Англiи.—Почему цивилизацiя испанцевъ, португальцевъ и ихъ бывшихъ колонiй неблагонадѣжна?—Огромное и вредное значенiе ложнаго направленiя инстинктовъ мировой жизни, сравненiе съ другими инстинктами.—Вредъ этого ложнаго направленiя въ другихъ государствахъ Европы.—Современное состоянiе испанцевъ и португальцевъ. — Тиморъ.—Влiенiе Соединенныхъ Штатовъ и сходство между южною Америкою и государствами застоя.—Отсталость и занатiи въ Португалiи и Испанiи 286

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТРАМ.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
33	сверху 5	слабости массъ,	слабости, массъ,
37	снизу 9	кожаными	кошачьими
46	сверху 11	могли	могла
47	— 8	дальновѣснаго	дальновѣснаго
48	— 13	мѣстностей	мѣстности
62	сверху 12	будетъ	будемъ
70	снизу 12	симметрическая	симметрическая
79	сверху 16	оставило	оставила
112	— 18	нашъ для	нашъ; для
102	— 13	которые которые	которые
146	— 2 и 4	личность	личность
147	— 13	Непана	Непала
158	— 15	монархія; въ	монархія въ
—	— 20	Циренъ	Цицеронъ
162	— 4	арабскихъ	арійскихъ
169	— 15	700,000	1,700,000
176	— 13	рѣшительно не	рѣшительно ничего не
179	сверху 16	двухъ	двухъ
182	— 1—2	недоступная	недостаточная
188	— 11	Джурджуа	Джурджура
—	— 14	переписки	переписи
202	снизу 10	дѣлать да имѣть	дѣлать имѣть
207	сверху 21	нихъ	насъ
217	— 11	Спеціальная военная интеллигенція	Спеціальность военная, интеллигенція
220	— 26	дѣтей	дѣдей
227	— 6	226,01и	226,019
248	— 12	развитіи	уровнѣ развитіи
252	сверху 20	Кубинья	Куба
261	снизу 7	Ромеена	Роллена
284	сверху 8	крупныи	крутыи
286	снизу 15	аморомъ	алюромъ
292	— 19	селеніемъ	населеніемъ

Ка
то не
нимъ
свое
детъ
на? а
шое
онъ
напря
ти ст
тѣмъ
тѣмъ
работ
запа
силъ
свои
роко
лодн
явс
чел
въ
ся
нач
дач
нан
пой
уси
лов
дру
по
на
ос
ве
сти
ма
бе
зи

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ скоро человѣку пришла идея, которая показалась ему великою, то не онъ ею овладѣетъ—она имъ. Онъ сдѣлается вѣчнымъ, безропотнымъ ея слугою и на ней онъ сосредоточитъ всѣ свои помыслы, все свое счастье жизни. Желая сбросить это могучее иго рабства, онъ будетъ тысячи разъ задавать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли это истина? а если это истина, то дѣйствительно ли она имѣетъ такое большое значеніе?—Онъ будетъ углубляться все болѣе въ миръ своей идеи, онъ будетъ подбирать данныя, анализировать жизнь, дѣлать умственные напряженія, отъ которыхъ ему будетъ казаться, что онъ долженъ сойти съ ума. Но чѣмъ болѣе онъ будетъ свою идею терзать и мучить, тѣмъ могущественнѣе она будетъ разрастаться въ его сердцѣ, тѣмъ тѣснѣе она будетъ его обхватывать своими крѣпкими руками и работать себѣ. Истощивъ въ многолѣтней, страстной борьбѣ весь свой запасъ скептицизма и сомнѣній, человѣкъ наконецъ не будетъ имѣть болѣе силъ бороться—онъ признаетъ себя побѣжденнымъ. Склонивъ смиренно свою голову, онъ откажется отъ дальнѣйшихъ изысканій и произнесетъ роковое слово — я убѣжденъ. — Ну, а за тѣмъ? — Вѣдь за убѣжденіемъ должно слѣдовать дѣйствіе, за идеей ея проявленіе. Ею нужно выразить ясно, отчетливо и въ тоже время показать всю ея глубину. Лишь только человѣкъ примется за разрѣшеніе этой задачи, лишь только онъ будетъ въ нее вдумываться, передъ его умственнымъ взоромъ будетъ разрастаться то безконечно тѣсное сѣпленіе, въ которомъ находятся всѣ великія начала въ природѣ. Долго разбивая всѣ свои усилія о бесплодную задачу полнаго уединенія и выдѣленія какого-нибудь начала, мыслитель наконецъ начнетъ повторять себѣ — нужно понять все, или ничего не поймешь! — Но возможно ли понять все? — Послѣ тяжкихъ трудовъ и усилій, остановившись наконецъ передъ этой бездонной пропастью, человѣкъ почувствуетъ припадки безутѣшнаго отчаянія; ни въ какомъ другомъ положеніи чувство своего безсилія не способно такъ глубоко потрясти все его существо. Все, что достигнуто было такими большими напряженіями, все нужно опять-таки бросить при первой же попыткѣ къ осуществленію. Но вѣдь такимъ образомъ для человѣка будетъ совершенно невозможно двигаться впередъ. Понять все никто не въ состоянн, а правильно и всесторонне понять часть этого всего, не понимая всего, не мыслимо. Человѣкъ долженъ обречь себя или на полную бездѣятельность, неподвижность и бесплодность, или на несовершенное знаніе. Только одно безконечное отвращеніе отъ бесплодности и непо-

движности можетъ заставитьъ человѣка сдѣлать въ этомъ случаѣ выборъ. Какъ принять на себя отвѣтственность разъяснять людямъ то, что и самъ не вполне понимаешь?—Всякій, кто углубится въ этотъ вопросъ пойметъ всю его горечь. Даже и послѣ полной рѣшимости отъ этой горечи нельзя будетъ отдѣлаться никогда. Только неоценимая власть, которую приобрѣла надъ вами великая идея, можетъ заставитьъ васъ съ тяжкимъ сердцемъ идти далѣе. Но вѣдь и потребность понять вполне — великая и могучая потребность, отъ нея нельзя отказаться безъ борьбы; человѣкъ тутъ можетъ уступить только тогда, когда онъ уже разбитъ крайнимъ утомленіемъ, но никогда онъ на эту уступку не будетъ въ состояніи смотрѣть иначе, какъ на что-то весьма близкое къ малодушію, на порожденіе его слабости, никогда это не перестанетъ его грызть. Вотъ, углубляясь все далѣе, въ центръ своей задачи, онъ объединилъ въ своей душѣ всѣ юридическія, политическія и социальное-экономическія науки, чтобы отыскать то основное свойство, откуда вытекаютъ всѣ эти проявленія; это стоило ему большихъ усилій, а все-таки въ результатѣ оказалось, что свойство это онъ не въ состояніи понять. Онъ чувствуетъ потребность изучать теологію, общественную жизнь, въ обычаяхъ, привычкахъ и всѣхъ проявленіяхъ, поддающихся наблюденію. Послѣ этого у него дѣйствительно составляется что-то похожее на цѣлое, какъ въ туманѣ ему представляется какая-то сила, имѣющая свои особыя формы. Но ему скоро дѣлается яснымъ, что эта сила расплывается въ существѣ другого цѣлаго, не отдѣлима отъ него, не понятна безъ него, это часть духовныхъ силъ человѣка. Чтобы разъяснить себѣ эти силы, надо заниматься психологіей и психіатріей. Ступите на этотъ путь и вы тотчасъ увидите, какъ вамъ необходимо для глубокаго пониманія знать всѣ стороны организациіи человѣка. Но развѣ возможно понять фізіологію человѣка, не зная фізіологіи вообще, и фізіологія и психологія одинаково непонятны безъ знанія животнаго и растенія, а знаніе животнаго и растенія непонятны безъ химіи и физики. Чѣмъ далѣе онъ будетъ идти, тѣмъ съ большею жадностью его будетъ хватать и привлекать къ себѣ одна наука за другою, развѣ только одна математика будетъ обнаруживать менѣе другихъ силы притяженія, да и то только потому, что она не наука, а искусство, человѣкъ тутъ не изучаетъ, а упражняется и изобрѣтаетъ приемы—это пособіе при изученіи, а не предметъ изученія. Все это человѣкъ дѣлалъ для того, чтобы изучаемому имъ явленію дать надлежащее мѣсто среди явленій природы, чтобы его рациональнымъ образомъ выдѣлить и вдвинуть въ надлежащую рамку въ системѣ очищенныхъ анализомъ знаній человѣческихъ. Онъ съ такимъ усердіемъ кинулся на это дѣло и къ чему же онъ приходитъ?—Дѣлать науку на ботанику, зоологію, фізіологію, біологію, антропологію, социологію и т. д. не есть ли это точно такой же приемъ раздѣленія, какъ и приемъ первобытной науки—это раздѣленіе по внѣшнему виду, по оболочкѣ; развѣ для науки можетъ существовать человѣкъ, животное, растеніе? Для науки должна существовать только матерія, очищенная анализомъ до крайней возможной степени уединенія, т. е. простое тѣло съ его силами и

свойствами — и сила не матерьяльная, если бы такая гдѣ-либо отыскана была наблюдениемъ и возможность ея существованія была доказана строго научнымъ изслѣдованіемъ. Послѣ описанія свойствъ и силъ простыхъ тѣлъ должно быть возможно опредѣлять, какой результатъ дастъ ихъ комбинація; за тѣмъ изученіе сложныхъ явленій должно приводить только къ тому, чтобы далѣе разъяснять эти свойства и силы уединенной матеріи и каждое свойство, выдѣленное анализомъ изъ смѣси, должно совершенствовать наше понятіе о матеріи. Я спрашиваю — изъ всѣхъ названныхъ мною наукъ, есть ли хотя одна, которая бы занималась свойствами и силами уединенной матеріи. Есть наука, которая, по видимому, должна была бы имѣть прямою цѣлью именно разрѣшить эту задачу — это философія. Но приходило ли хотя когда нибудь какому нибудь философу въ голову сдѣлать что-нибудь подобное? — Наше дѣло — дѣло изучающихъ сложные явленія, — должно было бы заключаться въ томъ, чтобы подъ контролемъ философовъ-систематиковъ правильно анализировать, какія силы простыхъ тѣлъ и какими свойствами участвуютъ въ произведеніи явленія и подмѣчать, какимъ образомъ комбинація силъ даетъ форму, т. е. то, что обыкновенно называютъ новой силой или новымъ тѣломъ. Образование формъ должно также имѣть свой законъ — это будутъ общія свойства уединенной матеріи. Вотъ положеніе, въ которомъ вы отутѣлись, та идея, которая такъ могущественно толкаетъ васъ на путь изученія, неустанно требуетъ отъ васъ, чтобы вы разработывали и разработали окончательно. Взвѣсившись за эту разработку, вы тотчасъ почувствовали, что вамъ нужно узнать все и что узнать всего для васъ невозможно; вы покорились, вы отказались отъ знанія всего, но вы хотите, по крайней мѣрѣ, для вашего предмета найти то мѣсто въ ряду знаній, которое онъ долженъ занимать, вы хотите узнать, какія свойства силъ простыхъ тѣлъ, т. е. уединенной матеріи, создаютъ эту форму, какъ и отчего эти свойства развиваются и по какому слѣдовательно закону должна совершенствоваться самая форма. И что же? Вы находите науку въ такомъ грубомъ состояніи, что она довольствуется самымъ поверхностнымъ описаніемъ явленій, которыя произошли отъ самыхъ сложныхъ и отдаленныхъ комбинацій силъ. Формы, порожденные этими комбинаціями, въ наиболѣе совершенныхъ наукахъ принимаются просто за новыя силы и говорится объ ихъ свойствахъ, какъ будто эти свойства произведеніе формы, а не первоначальныхъ силъ уединенной матеріи, простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ она скомбинировалась. Въ большинствѣ же менѣе совершенныхъ наукъ явленія не только не относятся къ свойствамъ и силамъ уединенной матеріи, но не сводятся даже и къ формѣ. Передъ вами набрасываютъ массу самаго разнороднаго матерьяла, которую систематизируютъ съ помощью самыхъ грубыхъ и первобытныхъ приѣмовъ, напр. въ исторіи въ хронологическомъ порядкѣ, въ медицинѣ вамъ пишутъ книги о дѣтскихъ, о женскихъ, о грудныхъ болѣзняхъ и объ ихъ леченіи и эти книги относятъ даже не къ искусству, а къ наукѣ. Когда вы сравниваете эти приѣмы съ тѣми, которые употреблялъ человѣкъ тысячи лѣтъ тому назадъ, составляя

себѣ первобытное міровоззрѣніе, когда вы видите какъ велико между нами сходство и подумаете о томъ, съ какимъ заносчивымъ презрѣніемъ современный ученый смотритъ на этого первобытнаго знахаря, какимъ жалкимъ и грубымъ проявленіемъ покажется вамъ эта неумѣстная гордость. Измученный безылодными усиліями, вы должны сдѣлать новую уступку. Вы вполне отказываетесь понять тѣ свойства и силы уединенной матеріи, изъ которыхъ произошли изучаемыя вами комбинаціи. Вы изучаете внѣшнюю работу машины, а не знаете, какая сила ее двигаетъ, какая механическая комбинація ее направляетъ. Вы похожи на предводителя дикарей, который, никогда не видавъ и не слыхавъ объ огнестрѣльномъ оружіи, внезапно очутился передъ укрѣпленіемъ, защищаемымъ европейцами, и долженъ его брать. Какимъ тяжелымъ камнемъ должно лежать на немъ его поверхностное пониманіе. Только крайняя необходимость сражаться можетъ заставить его изучать и произносить свое сужденіе. Только одно сознаніе пользы, которая должна произойти отъ этого перваго шага, можетъ заставить васъ сдѣлать его; это сознаніе должно долго и упорно мучить васъ прежде чѣмъ вы рѣшитесь. Вотъ почему я называю свое сочиненіе «азбукой». Это первое, самое несовершенное начало. Это самое поверхностное обобщеніе, сдѣланное по внѣшнему виду, съ полнымъ невѣжествомъ относительно внутренняго существа. Но если польза сдѣлалась самымъ главнымъ стимуломъ, побудившимъ меня писать, то мудрено ли, если я желалъ, чтобы эта польза была возможно большая? Могу ли я думать иначе?—Я очень хорошо зналъ, что какъ бы я популярно ни написалъ свою книгу, но при самомъ блестящемъ успѣхѣ въ моемъ отечествѣ изъ десяти тысячъ чловѣкъ ее прочтетъ одинъ. Это равняется почти полному игнорированію. Неужели я долженъ былъ затруднять чтеніе непонятными терминами и сдѣлать книгу до того недоступною, чтобы ее прочли только одни люди менѣе всего склонные отказываться отъ рутины. Но чтобы быть понятнымъ, мнѣ пришлось употреблять неточную и сбивчивую терминологию. Форму, порожденную комбинаціей, я долженъ былъ называть силой, употреблять слова инстинктъ, счастье Инстинктъ, въ качествѣ начала, побуждающаго къ дѣятельности, противопоставлять сужденію. Если растеніе тянется къ свѣту, не есть ли это точно такое же инстинктивное побужденіе, какъ у животнаго хватающаго пищу для удовлетворенія своего голода, не есть ли это также своего рода дѣйствіе; а чѣмъ инстинктивное дѣйствіе животнаго отличается во внѣшнемъ своемъ проявленіи отъ дѣйствія, порожденнаго сужденіемъ?—Если дѣйствіе произведено сужденіемъ, то внѣшняя сторона процесса, которымъ оно произошло, намъ нѣсколько болѣе известна. Мы можемъ наблюдать, какъ произошла въ насъ комбинація понятій и какъ порожденный этою комбинаціею выводъ побудилъ насъ дѣйствовать Въ инстинктивномъ дѣйствіи за предѣлами намъ известнаго можетъ быть точно такой же процессъ понятія и сужденія, которыхъ происхожденіе не поддается наблюденію. И вотъ я долженъ былъ останавливаться у этихъ предѣловъ известнаго для меня и называть побужденіе, которое порождается за ними, инстинктомъ. Я чув-

ствовать, до какой степени чрезъ это мое сужденіе дѣлалось поверхностнымъ и неточнымъ, не переду мною не открывалось ни одного пути, чтобы идти далѣе. За тѣмъ мнѣ представлялось еще затрудненіе: я понималъ, какъ это побужденіе, вытекавшее изъ неизвѣстнаго мнѣ источника, оплодотворялось и росло по мѣрѣ того, какъ расширялись свѣдѣнія людей о мѣрѣ и объ условіяхъ мировой жизни, но я могъ передавать это читателю только въ самомъ неполномъ видѣ. И безъ того книга такъ обременена была данными, что она мѣстами крайне затрудняла чтеніе; разяснять еще болѣе, это значило сдѣлать ее совершенно недоступною. Довольно, кажется, вѣроятно, что я здѣсь кончилъ тяжкое и пригнетающее признаніе о борьбѣ съ затрудненіями, превышавшими силы человѣческія. Читатель могъ себѣ представить, какъ трудно было сознаться въ невозможности одолѣть эти препятствія, какъ трудно было рѣшиться идти далѣе, оставивъ ихъ не побѣжденными. Неужели за тѣмъ должно было мнѣ давать еще что-нибудь въ томъ жѣ родѣ?— Увы! Оказалось, что это было только еще болото, а за тѣмъ оставалось перейти безконечную, безводную и каменистую степь, которая разстилась передъ изслѣдователемъ грязнымъ и неумолимымъ призракомъ. Если невозможно было проникнуть открытыя причины, порождавшія формы и, разоблачивъ ихъ, добраться до истиннаго источника,— до силъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало вполнѣ познакомиться съ явленіями формъ и свести ихъ къ общимъ источникамъ, которые еще раскрыты передъ нами и лежатъ на поверхности. Но лишь только вы принимаетесь за эту задачу, передъ вами раскрывается съ безконечнымъ разнообразіемъ неодолимая литература. Вотъ вы начали изучать политическую экономію и стремившіяся ее усовершенствовать социальныя ученія. Если къ ней присовокупить текущую литературу, то уже будетъ надѣ чѣмъ поработать; но значительное облегченіе для васъ будетъ составлять единообразіе идей и стремлений, которыя здѣсь проявляются. Вамъ такъ часто будутъ готовить одно и то же съ разными приправами, что это вамъ начнетъ нестерпимо надоедать. Это васъ заставитъ обратиться отъ новаго къ старому и вы не безъ удивленія увидите, что то, что говорилось прежде, иногда вовсе не было такъ поверхностно и близоруко, а то, что говорится теперь, сравнительно вовсе не такъ глубоко и умно, какъ вамъ старались это представить. Насытившись подобнымъ чтеніемъ, вы постепенно эмансипируетесь, вамъ наконецъ будетъ досадно читать повтореніе одного и того же, повтореніе идей, которыя уже приходили людямъ сотни лѣтъ тому назадъ; вы захотите стать на собственные свои ноги и это заставитъ васъ преимущественно сосредоточиться на статистикѣ. Но тутъ вы тотчасъ будете имѣть дѣло съ матерьяломъ прямо неодолимымъ. Но замѣчательнѣе всего то впечатленіе, которое производитъ на васъ изученіе этого матерьяла. Прежде всего васъ будетъ мучить неточность статистическихъ цифръ и описаній, а за тѣмъ тамъ, гдѣ они сравнительно точны, они выражаютъ собою результаты такихъ сложныхъ явленій, что для васъ почти невозможно будетъ опредѣлить значеніе отдѣльныхъ дѣателей, способствовавшихъ произведенію результата; вы бу-